

28 НОЯ 1980

К 100-летию со дня рождения

А. А. Блока

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим уерюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Слово о поэте

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВАС, ВАШЕГО ТВОРЧЕСТВА ИМЕЕТ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА? НА ЭТОТ ВОПРОС ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ:

Дмитро ПАВЛЫЧКО, поэт, лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко:

Поэзия Блока — это, прежде всего любовь к России. Юношеская и трагическая, яростная и умиротворенная, эта любовь всегда прекрасна и всегда поражает правдой и чистотой. И хотя в ней иногда выступают «русские неприютные храмы», она не подкупольная, а поднебесная. В ней господствует печальная нота, но это печаль небес, печаль безграничная русского, печаль настоящей любви.

В начале 50-х годов (когда я был студентом и начинающим поэтом) вышел томик Блока в малой серии «Библиотеки поэта» с предисловием В. Орлова — ныне известного автора самой лучшей книги о Блоке. Тогда произведения поэта издавались редко, достать этот сборник было трудно, но мне подарила его одна девушка с испанского отделения, влюбленная в поэзию Блока и знавшая мои первые литературные замыслы и публикации. Вскоре я знал наизусть много стихотворений из этого томика. Меня поразила интимная лирика Блока богатством и разнообразием переживаний и еще той совершенно мне неизвестной и до некоторой степени чуждой атмосферой жизни, которая проглядывала сквозь блоковские строфы. В те годы я с большой жадностью искал у каждого мастера поэзии гражданскую лирику. Это объяснялось острой политической борьбой, происходившей в Западной Украине и важной для меня учебой в классе политического стиха. Сознательно, тогда поэма «Двенадцать» не произвела на меня такого огромного впечатления, какое пережил я совсем недавно, работая над переводом этого произведения. Мне понадобилось двадцать пять лет жизни, чтобы постичь, насколько велик был автор «Стихов о Прекрасной Даме» в гражданской поэзии.

Знаю, что Блок каким-то образом «учил» меня уже тогда, в моей молодости. Верю в то, что каждое возвращение к нему будет волновать меня и заставлять задумываться над чистотой и правдивостью моего слова.

Я работал над переводами Блока в то время, когда наиболее заманчивой мне представлялась проза (может быть, оттого, что находился я под впечатлением романов Бастоса и Астафьева, рассказов Кортасара и Григора Тютюнника), и мне казалось, что поэтическим словом невозможно выразить себя так полно, как в прозе. Но триста с лишним строк поэмы «Двенадцать» показали еще раз мне, что эпическую картину, на которой виден весь народ и захватывающие своей глубиной образы столетия, можно набросать несколькими фразами, если ты настоящий поэт.

Иван ДРАЧ, поэт лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко:

С каждым годом все отчетливее видится, что Александр Блок не только по праву стоит в ряду, начатом Александром Пушкиным и Михаилом Лермонтовым, но и имеет свой, так сказать, тайный запас, далеко не до конца разгаданный нами, людьми последней четверти XX века. Художник удивительно открытой силы, какой-то обжигающей открытости, часто не поддающийся нашей самоуверенной алгебре познания, для русской культуры он — залог славного будущего. Он начал постигать такое, от чего многие сознательно ушли, предпочтя осваивать облегченные задачи. Он брался за самые трудные проблемы, и когда разрешал их блистательно, не было художника счастливее его, а когда падал под тяжестью неразрешимости, не было мастера печальнее. Александр Блок — равновеликий среди великих мастеров русского стиха — уже сбывшихся в будущем. Слово «будущих» здесь не случайное слово. Именно Блоку, мне кажется, со всей печалью его, со всей обжигающей открытостью, с неизбывной радостью его постижений, принадлежит будущее. «Будущее» — вот заветное слово из ягдташа автора «На поле Куликовом»...

«Литературное наследие» — не странно ли звучит это словосочетание применительно к Александру Блоку? Ведь он современен с головы до ног! Современен распахнутостью своей щедрой, доброй и воинственно чуждой вселенскому лицемерию души. Художник, который так беспристрастно относился к себе самому, к любым проявлениям своего естества — святого и грешного, как у любого из смертных. Он не боялся подмечать в себе самые что ни на есть грешные мысли и побуждения, он делал любое движение чувства предметом истинной поэзии. А его «вольные мысли» — разве это не удивительный сплав поэзии античной и... поэзии будущего: вроде бы из дзевника землянина, побывавшего на другой планете и снова вкусившего радости и горечи родной перз-Родины, перво-Земли, вкусившего горчинку земляники на месте сожженного, истлевшего праотцовского порога.

Александр Блок ныне во многом воспринимается как образ идеального поэта. Высокая культура мысли, чистота души — поразительная и недостижимая, доступность поэзии заодно с недоступностью свободного дыхания его стиха, всемирная боль в груди заодно с неизбывной печалью о судьбе родных полей — и во всем этом, внутри всего, всенеполнотность музыкой. Это ли не поэзия?!

«ВСЕ СУЩЕЕ—УВЕКОВЕЧИТЬ»

Мир ранних блоковских стихов о Прекрасной Даме был прекрасен. В ней одной была поэзия, судьба, жизнь. Но жизнь подлинная, жизнь России оставалась вне этого строго очерченного мира. Позднее в «Балаганчике» Блок увидит его огражденным картонными стенами, поймет, что там лилась не кровь, а клюквенный сок. Размеренный ритм первых блоковских стихотворений редко нарушался «вещей правдою» жизни и судьбы, мучительной, даже губительной, но единственно возможной. Ощувив тесноту этого прекрасного мира, поэт стремился постичь мир истинный — вихревой, многоголосый, прекрасный и безобразный.

«Для писателя — мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок. Таков он для Толстого и Достоевского. Оттого — нет ни минуты покоя». Так думал Блок. Вихревыми ритмами врывается в его стихи судьба, и он осознает свой мучительно трудный долг:

Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!

Нет! Лучше стянуть
в стуже лютый!

Уюты — нет. Покоя — нет.

В своем познании России Блок идет от отстраненности («Тебя жалеть я не умею...») к осознанию единства своей судьбы с судьбой Родины: «Речь моя, жизнь моя, вместе ль нам

маяться?». «О, Русь моя! Жена моя!». Позднее в «Скифах» поэт скажет о великой исторической миссии России, чья судьба теперь осознается им предельно лично:

Россия — Сфинкс.

И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит,

глядит в тебя
И с ненавистью и с
любовью!..

Весь во власти предощущения грозовой музыки, ее бешеного ритма, Блок предреволюционных лет задыхается от пошлости жизни. Красота, когда-то, казалось, надежно защищенная, оболгана и втоптана в грязь: она там — где «среди канав гуляют с дамами испытанные остряки», где «раздается женский визг». Там, где царит пошлость, прекращается движение, прекращается сама жизнь.

Ночь, улица, фонарь, аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.

Живи, еще хоть четверть
века —

Все будет так. Исхода нет.

Но есть мужество, сознание долга перед Россией, перед собой: «Надо плакать, петь, итти...»

«Волею божией поэт и человек бесстрашной искренности», — сказал о Блоке Горький. Бесстрашно искренним был Блок не только в литературе,

но и в отношениях с друзьями и врагами. Бесстрашно искренним он был во всем, ибо поэзия была его судьбой, а его судьба была — в поэзии.

Творчество Блока — это непрестанные поиски человеческого в человеке. Он всегда с радостью узнавал в современнике черты человека будущего: исполненного высокого вдохновения и окрыленного жадной жизни и любви. В поэтическом мире Блока человек — часть Вселенной, но и душа человека — сама по себе — Вселенная.

Год 1918-й стал в судьбе Блока особенно знаменательным. В этом году были написаны стихотворение «Скифы» и поэма «Двенадцать», которую он сам считал лучшим из всего созданного. Поэт встретил Октябрьскую революцию восторженно. Отвечая на вопрос анкеты одной из буржуазных газет: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — он сказал: «Может и обязана».

После создания «Двенадцати» Блок активно включился в процесс культурного строительства новой России. Много сил отдавал он организации театрального и издательского дела. Делу революции он оставался верен до конца жизни. «Я сейчас думаю так же, как думал, когда писал «Двенадцать», — говорил он незадолго до смерти.

М. КОВСАН.